

ГЮЛЬШЕН ТОФИГГЫЗЫ

РАССКАЗЫ

Раскрытая точка

Бабушка часто сидела в своём кривоногом кресле, полуприкрыв веки, подолгу молчала, легонько перебирая пальцами невидимые предметы. Порой казалось, что она просто дремлет. Но то и дело едва приподнимающиеся или опускающиеся уголки губ выдавали её. Наверное, она так молится про себя, думала я. Ну, о чём могут думать старушки?

– Бабуля, тебе чётки принести? – очень тихо спросила я однажды, чтобы проверить, спит она или нет.

– Зачем? – отчётливо спросила она, явно не спросонья. Я немного растерялась.

– Чтобы молиться удобнее ... Ну, не знаю... Как вы это делаете...

– Для молитвы не удобства нужны. Душевная потребность есть? Молись... Стало на душе спокойнее, значит дошла молитва по адресу.

– Тётя Фируза тоже целыми днями молится, просит бога о чём-то вечно, – начала было я раскручивать тему. Но бабушка, как всегда, опередила меня, огорошив неожиданным «виражом».

– Тётя Фируза не просит бога, она клянчит! – тихо, но сердито прервала бабушка. – Выклянчи верблюду у бога крылья, разнёс бы все крыши... Да и нужду справлял бы на лету, как все летающие твари.

Умение моей бабушки, необразованной старой женщины, «домысливать» известные и распространенные поговорки вообще могло стать темой какого-нибудь филологического труда.

– Завари-ка лучше чаю и я расскажу тебе про точку... Ты же хотела спросить, почему я подолгу смотрю в одну точку, правда?

– Откуда ты знаешь? – искренне удивилась я её догадливости. – Ты телепат?

– Я человек, проживший долгую жизнь и вырастивший много детей.

– А точка...

– Это не точка, – снова опередила меня бабушка. – Это окно, дверь, ворота. Или экран по-вашему. Я смотрю туда и вижу всё, что было. Иногда даже то, чему не суждено было быть. Там так много интересного! И радостно бывает, и грустно. И даже стыдно порой. Но ты права: для некоторых это всего лишь точка. Никчемная и бессмысленная.

– Знаю, ты о ком. О тёте Фирузе?

– Не только. Таких бестолковых и порожних не счесть. Но это не значит, что тебе можно проявлять неуважительность. Всё-таки она намного старше тебя. Ясно?

– Ясно, – кивнула я с готовностью, потому как поняла: бабушка готова рассказать что-то интересное и полезное. Она взяла в руки сборник сказок Андерсена, который лежал у меня на коленях, полистала, посмотрела красочные иллюстрации. Кажется, ей понравилось. Бабушка остановила взгляд на картинке с чайником, у которого обломился носик и треснула крышка.

– О чём это? – спросила бабушка. Она не умела читать по-русски, не знала кириллицу. Сама, составляя списки необходимых покупок, писала на «аски-алифба», арабскими буквами, по старинке.

– О том, как дорогой фарфоровый чайник потерял ценность. Он разбился и его выбросили в сад.

– И что же дальше?

– Ничего, – пожалала я плечами. – Кому нужен расколотый чайник? Вот и вся его «ценность».

– У этого сказочника что-то не сложилось в жизни. Недоволен был своей судьбой, наверное. Хандра одолела. Поэтому и не смог продлить жизнь расколотому чайнику. Представь себе: чайник выброшенный в сад, раскололся на две половинки, да так и валялся в траве. Но пошел дождь и в эти половинки набралось воды. А наутро воробышки пили из них и плескались. Чем не новая жизнь? Грустные сказки ничему не учат.

А ведь бабушка дело говорила! Я в очередной раз была поражена её мудростью и прозорливостью. Досталось великому датскому сказочнику Андерсену от безвестной иранской бабушки: ценность-то чайника могла оказаться не в дорогом фарфоре, а в пользе, которую он сможет принести, пусть даже и в ином качестве!

Со двора доносился словохлест очередного раунда давнего противостояния тёти Фирузы и её заклятой соседки-недоподруги Армиды Ишмаховны. Споры этих двоих порой стоило слушать с блокнотом и ручкой в руках.

– Это какая, скажи-ка, соседушка, между нами разница? Кичишься попусту, – язвительно прищурился и без того глазки-щёлочки и уперев руки в боки, вопрошала тётя Фируза. – Красотой ли взяла, умом ли, умением каким обошла?

– Нарываешься-таки на ссору, Фирузочка, – отмахивалась свободной от штопального гриба рукой Армида Ишмаховна. – Толкуй, не толкуй, толку не будет. Какая разница между лифчиком-нулёвкой и бюстгальтером шестого размера? Вот примерно такая разница.

– Педарсухте! – злобно выругалась на родном фарси тётя Фируза. Она ушла в дом и как могла громко хлопнула дверью с фанеркой, вставленной вместо невесты когда разбитого верхнего стекла. Фанерка соскочила с потерявшего шляпку ржавого гвоздя. По больному щелкнула Армида Ишмаховна! Тёте Фирузе и нулёвка велика была для того, что даже условно трудно было б грудью назвать.

Почти сразу во дворе показался дядя Нафил с молотком и небольшим гвоздём в руке. Он молча подобрал отскочившую фанерку, водрузил её на прежнее место и закрепил гвоздём – до следующего раза. Шестидесятилетний дядя Нафил, брат Армиды Ишмаховны, делал это частенько. Перепалки его сестры и тёти Фирузы, как правило, завершались хлопаньем двери и отлетевшей фанеркой. Конечно, можно было б однажды и стекло вставить. Но тётя Фируза об этом не просила, а тратиться на стекло и стекольщика для сварливой соседки дяде Нафилу резона не было. Вообще-то его звали Нафанаилом, но длинное и мудрёное имя легче ложилось на язык в таком укороченном и потерявшем содержание варианте. Немногословный и добрый он был человек...

– Как ты думаешь, заменят когда-нибудь стеклом эту фанерку? – спросила бабушка, молча наблюдавшая эту короткую сценку.

– Думаю, нет, – ответила я. – Тётя Фируза на стекло не хочет тратиться. А с фанеркой даже веселее. Сколько раз отвалится, столько раз и приколотит дядя Нафил.

– Да уж, весельчак он, что и говорить, – улыбнулась бабушка. – Закрепи он фанерку двумя гвоздями, хлопай-не хлопай – не отвалится. А так ритуал будет вечен. По сути, это очередной «щелчок по носу» Фирузы.

– И «ценность» фанерки возросла, – подытожила я и спохватилась, опасаясь строгого бабушкиного порицания. Но, к моему удивлению, она даже засмеялась коротко и беззвучно.

– А я об этом и не подумала! Действительно. Ты права. Наблюдательность – замечательное качество, первый шаг к мудрости. Когда-нибудь ты увидишь в «точке» этот день и расскажешь о нём своим внукам. Им будет интересно, как ты думаешь?

– Что же интересного детям космического века в дурацких ссорах соседок?

– Не скажи, не скажи. Человеческие глупость и пороки в любой век дорогу найдут. Им и космос не помеха.

...Ровно 55 лет прошло с того дня. Я и вправду разглядела его в «точке», которая для «душевно незрячих людей» ничего не может значить. Так говорила бабушка. И насчёт сути человеческой она оказалась права: старую дворовую систему с её сплетнями и раздорами, радостями и печальями, правдой и вымыслом вполне успешно заменили соцсети. И даже пресловутый «коронавирус» им не помеха! Что ж тут говорить о «ценности» расколотых чайников и многофункциональных фанерок...

«Золушка»

Как часто мечта оборачивается разочарованием! Думаю, нет человека, который не столкнулся бы с этим. Мечтаешь, думаешь, стремишься, добиваешься и – бац! Оно, оказывается, и не стоило того. Конечно, предусмотреть всего нельзя, и все идет своим чередом. Но увидев недавно растерянность в глазах своей семилетней внучки и узнав причину её опечаленности, я вспомнила вдруг тот день, когда сама испытала первое в жизни разочарование. Давняя это история, давняя-предавняя.

Детей старшей группы детского сада несколько раз в год водили в ТЮЗ на «серьезные» постановки. «Малышей» (!) больше радовали спектакли в кукольном театре. Но мы-то уже взрослые, почти первоклашки! Самым любимым спектаклем девочек была «Золушка». До чего же заманчиво преобразование бедной падчерицы в прекрасную невесту принца! Сюжет сюжетом, но самое волнующее происходило в зале, когда из дальнего входа появлялась ОНА, красавица в неопишимо чудесном платье, вся в блесках, с букетом роз в руках. Она неспеша проходила через весь зал, поднималась по боковым ступенькам на сцену, подавала руку принцу и с чарующей улыбкой оборачивалась к переполненному детворой залу, кланяясь нам, затаившим дыхание, восхищенным и взволнованным. Как же мне хотелось прикоснуться к ее королевскому наряду! Но, к сожалению, мое место всегда оказывалось ближе к середине ряда, а пересаживаться самостоятельно было нельзя. Однажды, в канун очередного похода на «Золушку», я набралась храбрости и попросила воспитательницу, Татьяну Николаевну, разрешить мне сесть возле нее, с краю.

– Хорошо, детка, – улыбнулась воспитательница. Забегая вперед, скажу, что Татьяна Николаевна и моих детей воспитала, и старших внуков на руках подержать успела. – Только не вскакивай с места, когда Золушку к принцу поведут.

О, Счастье! Вот она, вожденная мечта всех девочек во все времена, идет к сцене, прижав к груди букет и поддерживая кружевную юбку другой рукой, чуть приподняв бело-розовый подол. В какой-то миг мне показалось, что гремевшее бубном в груди сердце выскочит и полетит вслед за ней, когда ОНА будет проходить мимо меня. Она всё ближе!.. Можно вытянуть руку и дотронуться до свадебного наряда, так много раз искушавшего воображение волшебством сказки. Я уже готова была это сделать, но тут мой взгляд упал на приподнятый подол, из-под которого – о, ужас! – виднелся сбитый носок и след от оторванной пряжки старых босоножек. Сами застиранные и плохо проглаженные кружева были будто наспех пришиты вручную ниткой коричневого цвета. Этой же ниткой был прилажен небольшой отрезанный лоскуток у подола. Потускневшая серебристо-синяя чешуйка, отлепившись от юбки, медленно осела на старую, стершуюся красную дорожку. Рядом валялся белый бумажный лепесток из «свадебного» букета.

Отчего-то полный восторженных ребятишек зал уплыл в пустоту, окружающие краски потускнели, звуки стали доноситься словно издалека. Счастливый сказочный мир рухнул... Пучина реальности поглотила его. Сердце перестало колотиться. Оно вообще куда-то подевалось. Хотелось плакать. Я с трудом сдерживала слезы. Но они предательски наполняли нижние веки.

– Что с тобой? – обеспокоенно прикоснулась к моей щеке Татьяна Николаевна.
– Тебе нехорошо? Нужно выйти?

– Нет, – беззвучно ответила я одними губами. И тут противные ручейки потекли по щекам. Татьяна Николаевна вытерла их своим чистым платочком, пахнущим клубникой. Она все поняла.

– Не огорчайся, – тихо и участливо произнесла воспитательница. – Это всего лишь театральное представление. В жизни таких разочарований куда больше. Уж поверь мне.

В шесть лет я бы и не произнесла этого слова – «ра-зо-ча-ро-ва-ние»...

Шутки шутками ...

Плоские, неуместные шутки краснолицего Амбуча давно уже никого из обитателей городского двора-колодца не раздражали. Их попросту пропускали мимо ушей. Исключение составляла немолодая (давно как немолодая) Гюльзар, которую он называл не иначе как «Гюрза». Красное, словно лишенное кожи лицо Амбуча расплзлось в кривозубой улыбке, стоило женщине выйти во двор с пакетом мусора или ведром помоев.

– Ай, Гюрза, нельзя быть такой расточительной. Ты уверена, что там не осталось ничего съестного? – указывал он волосатым пальцем на предназначенное для мусорных баков. – Одинокой женщине сто раз нужно проверить, прежде чем выбросить. Того и гляди, вместе с очистками счастье свое выбросишь. Очистки, опять же, сварить можно. Процеди, посоли, поперчи, сухариков кроши – вот тебе и супец.

– Что такая унылая ходишь? – не унимался краснорожий Амбуч, дразня несчастную соседку постоянным грубым напоминанием о ее несложившейся личной жизни. – Пригласи на чай, я тебя развеселю. А что, чем я тебе не пара? С какой стороны ни глянь, соответствую. И рожей, и кожей, и статью пригожей.

Похожее на паленую баранью голову лицо «Гюрзы» с блеклыми глазами в окружении белесых ресниц и витилиго перекашивало от бессильной злобы. Бедняга прекрасно знала, что с такой внешней непривлекательностью даже муреноподобный Амбуч в женихах – что рак на безрыбье. Но вступать с грубияном в перепалку она и не помышляла. Ее бы воля, разнесла б своим ведром багровую лысину соседа. И как ей удавалось до сих пор не сделать этого?! Последний десяток лет поводов Амбуч давал немеряно. Иногда резонировать его пытался сосед, дедушка Иса.

– Оставь женщину в покое, бесстыдник. Что тебе до нее? Куражишься, как злой дух, – тихо, чтоб не услышала Гюльзар, говорил он. Но нарываться на нелепые шутки и кричающий смех Амбуча и ему не хотелось. Дедушка Иса качал головой и прикрывал окошко.

– Вот и закончились твои рыцари-заступники, рыбонька моя молчаливая, – торжествовал Амбуч. – Видишь, некому за тебя постоять. Дело говорю, пригласи на чай. Посидим, поболтаем. Глядишь, сватов к тебе зашлю. Парочка из нас получится что надо – хоть на обложку журнала! Седьмой десяток разменяла, а артачишься как гимназисточка.

Дошутился-таки однажды Амбуч. Слух пошел по двору, что достал он бедолагу Гюльзар своими приставаниями. А она, видишь ли, оскорбилась не на шутку, в деревню, к родственникам решила уехать. Что ей старость одинокую в городе коротать? Одной себе готовить, одну себя обстирывать, в одиночестве перед телевизором сидеть, вязать-перевязывать, распускать и вязать заново один и тот же жакет...

Готовясь к отъезду, отправилась Гюльзар за покупками и подарками для деревенских родственников. Соседи видели ее выходящей со двора, но до позднего вечера она не возвращалась. Дедушка Иса волноваться начал.

– Куда это Гюльзар запропастилась? Как с утра ушла, так и запропастилась.

Эй, Амбуч, не видел ее? – старик с удивлением осмотрелся. Амбуча во дворе не было. – А этого шумера куда унесло? Я-то думаю, что так тихо во дворе? Рамал, сынок, постучи-ка к дяде Амбучу, не захворал ли.

Тут и случилось то, от чего у соседей дух перехватило и рты пораззявились: поддерживая под локоток застенчиво опустившую рыбы глаза «Гюрзу», показался и Амбуч, напустивший на лицо серьезности, осанке – важности, походке – твердости.

– Вот, еле отговорил! Не поедет она в деревню. Ну, вроде как согласна, – ответил он на вопрошающий взгляд дедушки Исы. – Женимся мы, короче... Вот, это, как бы ... Пару часов как заявление в ЗАГСе оставили. И чтоб никто ни слова женошке моей отныне того... А если что, со мной дело иметь будет! Распишемся и заживем, что твои голубки. Мы и новый спальный гарнитур приглядели. Вот как съедемся, обзавидуетесь все тут. Верно говорю, красавица моя? Завтра кольца покупать пойдем.

От этих слов Амбуча бесцветное лицо и шея новоиспеченной невесты пошли пятнами стыдливости и волнения.

– Кто же, кроме тебя самого, допекал ее глупыми...шутками? – с облегчением выдохнул дедушка Иса. – Вот и славно, вот и ладно. Будьте счастливы, совет вам да любовь! ...Надо же, десять лет на чай напрашивался, а она ни в какую! А тут вдруг, на тебе: женимся! – уже полупшепотом подытожил старик. – Хороша парочка, нечего сказать.

Горе луковое

Они давно узнали друг друга, но оба не подавали виду. Неловко было. С тех пор, как умер отец, Эмин бывал здесь, на кладбище, каждую неделю. Уже полгода прошло, как не стало отца, но не унимается боль, никак не унимается... Наоборот, окатив волной юношеских воспоминаний и необъяснимого чувства незавершённости чего-то очень важного, боль с новой силой впивалась в сердце. Почему он здесь, этот человек? Почему именно сейчас?

– Ну, здравствуй, Эмин, – пожилой мужчина всё же подошел сам. Он опустился на скамейку рядом с Эмином, отложив в сторону лопату, которой только что вскапывал землю вокруг недавно посаженных декоративных кустов, и принялся растирать левое колено. Старик кивнул в сторону богатого чёрного надгробия отца Эмина и, участливо выразив соболезнование, хотел было протянуть руку для приветствия, но не отважился. – Ты на него похож. Вижу, фамилия одна, лицом один в один. Я вас, пострелов, всех помню. Почти всех. За малым исключением, может быть. Неуместны тут эти слова, но я рад за тебя. Похоже, удалась жизнь.

– Вы извините, Мадарик Акуанович, я не решался, думал, обознался, – Эмин протянул руку для рукопожатия. – Сколько лет прошло, сколько лет!

Эмин смотрел на заросшее седой щетиной лицо своего бывшего учителя географии, вглядывался в угасшие, когда-то искрившиеся топазами голубые глаза, тщетно надеясь уловить в них абы какую кроху удовлетворённости. Понял-таки: глупо искать то, что невозможно увидеть в глазах старика, прибирающего кладбищенские участки...

– «Материк Океанович»! – хлопнул по коленям старый учитель и заулыбался. – Помнишь? Такое у меня было прозвище? Ах вы, черти!

– Вы знали?

– Конечно! И физичка знала, и историчка, и другие. Все мы свои прозвища знали. Ничего удивительного, всегда так было.

– Я помню, у вас роман был с физичкой. Мы так и не поняли, почему вы не поженились. Она красивая была. И добрая.

– Да... – задумчиво произнёс бывший учитель географии. Он снова погрузился. – Такая глупость была с моей стороны... Не поверишь, причин и не было. Это я, дурак, учудил. Она меня в гости пригласила, наготовила всякого. Старалась, бедняжка. Я цветы ей вручил, хотел ручку поцеловать, пальчики её наманикюренные к губам под-

нёс... А от них луком пахло. Я виду не подал, но в голове что-то перещёлкнуло. Так и не смог преодолеть дурацкое чувство брезгливости. Ушёл тогда очень скоро, под каким-то нелепым предлогом, даже не поел ничего. Эстет-идиот. Горе луковое! Видел её недавно во сне. Будто пожар, горит всё вокруг. Тут она из огня выходит, чумазая, вся в копоти, книжку какую-то к груди прижимает. Протягивает книжку мне: вот, говорит, только эту спасла, все книги сгорели, все-все! Я книжку из её рук беру – «Сказки народов мира». Открываю где-то посередине, читаю первую строчку: «...а высоко-высоко в горах жил одинокий охотник по имени...» К чему бы?

– Не узнать вас, Мадарик Акуанович, – улыбнулся Эмин. Вспомнились «живые уроки» влюблённого в свою профессию учителя географии, возившего ребят за город, чтоб продемонстрировать им наглядно холмы, уснувшие грязевые вулканы, затвердевшие плато, бывшие когда-то морским дном. С каким азартом, вдохновением, блеском в глазах рассказывал обо всём этом учитель! – Неужели и вы повелись на всякое такое? Наш любимый географ, слуга науки, оптимист, мечтатель, верит в сны, приметы и всякое такое?

– Какое такое?

– Ну, как сказать-то ... Вредоносное, ненаучное, что ли.

– Ошибаешься. Я по-прежнему верю исключительно в науку. Просто есть многие вещи, которых она пока объяснить не может. Или не хочет. Склонен думать, что именно не хочет... Смотри-ка, божьи коровки проснулись! – старик осторожно снял с рукава букашку, кроваво-красной капелькой сверкнувшую на потёртой ткани. Букашка проползла через ладонь на тыльную сторону, взобралась на кончик указательного пальца, раскинула надкрылки, выпростала слипшиеся чёрные крылышки и улетела. Мужчина проводил её взглядом. – Учёность и мудрость – не одно и то же. А физичка... Физичка за соседа своего, фальшивого немца, в девяностых замуж вышла и в Германию уехала на ПМЖ.

– Почему «за фальшивого»?

– Михаил Михалыч его звали, Эрде. Я его земляка знавал. Тот рассказывал, что предка «немца» звали Роман Дрюкин. Бондарем астраханским был. На бочках своих клеймо выжигал с инициалами «Р.Д.» А потом трансформировался в Эрде. Так и пошло в документах, позже и сыновья сыновей стали «немцами» в пятой графе записываться. А то, что предок в войну был за Урал сослан, даже пригодилось. За Мирославу я, конечно, рад. Мыкалась бы сейчас тут со мной. Уж лучше коротать безбедную старость с «фальшивым немцем», чем с неудачником-рутулом. Кстати, знаешь, что такое рутул?

– Ваша фамилия.

– Фамилия. Конечно. Рутулы – горцы, очень малочисленная народность. «Там, высоко-высоко в горах, где жил одинокий охотник»... Мне такую фамилию в детском доме дали. Я ведь подкидыш. Нас в детдоме тринадцать мальчиков было, и у всех фамилия Рутул. Директор рутулом был. Суровый такой дядька. Но душой за ребяташек очень болел. После войны нас, бастардят, много народилось. Ты извини, заболтался невпопад. Редко с кем поговорить приходится. Народ-то здесь, – старик обвёл взглядом надгробия, – поговорить не расположен. Живому человеку собеседник нужен. А старому человеку одиночество хуже смерти.

– Иногда и в окружении множества людей бываешь одиноким. Как мне отца не хватает! Снуют вокруг тебя туда-сюда, туда-сюда. А всё равно одиноко. Застрял в суете, как вермишель в дуршлагае: дыр много, а не выбраться.

– Здорово сказал! – заулыбался старый учитель. – Вот и к тебе мудрость пришла.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, Мадарик Акуанович? – Эмин немного смутил старика вопросом.

– Ты деньги имеешь в виду? – немного помешкав, спросил он. – Нет, спасибо, мне хватает. Что старому, одинокому человеку нужно? Я, даже уходя, дверь на ключ

не запираю. Замок давно поломался. Дома кроме книг, карт да старого глобуса иного имущества нет. Да мне и не надо. Правда, от телевизора не отказался бы. Мой уже и в ремонт не берут, смеются.

– Адрес дайте, я сегодня вечером завезу. Или пришлю.

– Адрес тот же, в третьем микрорайоне живу. Забыл? Вы же ко мне навещать приходили, когда ногу сломал.

– Могу не найти сразу. Диктуйте адрес. – Эмин достал ручку и блокнот из нагрудного кармана, протянул визитку старику. – Здесь мои координаты.

Они распрощались. Эмин отправился на серьёзную деловую встречу – планировать будущее. Старый учитель вернулся расчищать от сорняков кладбищенские участки. Для него будущее давным-давно стало прошлым, с которым они оба сегодня удивительным образом встретились ненадолго.

Бостанщик

Почти каждое утро, крепко сжимая в ладошке монетки, мы бежали по рыхлому, ещё не просохшему от ночной влаги песочку к старому бостанщику за свежими помидорами и баклажанами. Надо было спешить, ведь не пройдет и часа, как раскалившийся от зноя песок начнет жечь наши голые пятки, и тогда тащить до собственного дачного участка плетёнку с овощами станет намного труднее. Забор вокруг участка бостанщика был условный, всего лишь сложенные в четыре ряда потемневшие и изъеденные ветрами куски песчаника, ничем не скреплённые между собой. Поэтому, уже издалека увидев нас, старик приветливо махал рукой и спешил к своим грядкам с дырявым ведром и кривым огородным ножом. Пока он срезал и собирал в ведро толстенькие, сверкающие, словно отполированные, баклажаны, тугие, алые помидоры и цветные перцы, мы устраивали охоту на кузнечиков или присыпали песком навозных жуков, с интересом наблюдая за их усилиями поскорее выбраться и удрать от своих мучителей.

Рассчитавшись с бостанщиком и переложив в плетёнку овощи, мы, пожелав старику здоровья – так бабушка наказывала! – бежали обратно. А бостанщик шёл к своему дому, ставил виды выдавший, примятый по бокам самовар и садился на камышовую циновку у побеленной стены своего жилища. Именно жилища, да, так вернее. Потому что домишко бостанщика прежде был отсеком, стойлом некогда просторных, добротных конюшен сбежавшего и сгинувшего неведомо где в начале двадцатых годов прошлого века хозяина, Сары-бека Кербалаева. Конюшни были порушены, остатки строений давно пришли в негодность. Одинокий бостанщик появился здесь в войну, в начале сороковых, да так и осел в унылом, малообжитом местечке. Он выпросил у местных властей бывшее стойло и небольшой закуток при нём.

В сельсовете ничего против не имели и даже выделили ему в придачу участок в 20 соток под огород – пара крепких ещё мужских рук не мешали на земле.

Утрамбованый земляной пол жилища бостанщика был застлан хасирами и ветхими паласами. В углу – сложенные до вечера ватные матрасы и одеяла, короб с уварью, керосиновая лампа, примус и буржуйка – вот и весь домашний скарб бостанщика. Огородный инвентарь он хранил в деревянной сарайке. Тут же ведро чистой воды из колодца и аккуратно собранная у стены всякая древесная щепка. Одинокому старому человеку много ли надо?.. Соседи, путь которых пролегал мимо его участка, тоже делились, чем могли. Кто табаку пачку подарит, кто хлебец с куском овечьего сыра. Женщины баночки с инжирным вареньем посылали, получая взамен некрупные, но очень сладкие тыковки. А когда стала налаживаться послевоенная жизнь, люди начали возвращаться в отдалённые дачные посёлки с кучей ребятишек на лето, поближе к морю. Тут-то бостанщик всем кстати пришёлся. За сущие даже по тем временам гроши такие овощи продавал дачникам!

Абшеронская прикаспийская полупустыня 60-ых годов двадцатого века сохранилась в памяти не только знойными песками, сухими колючими кустарниками и неожиданными вкраплениями в виде белых песчаных лилий и каких-то жёлто-розовых губчатых то ли мхов, то ли лишайников. Ярко-зелёный огород старого бостанчика с его покрытыми утренней росой чудесными овощами тоже остался контрастным пятном, словно цветная почтовая марка на поблёкшем от времени конверте детских воспоминаний.

У нашей семьи вскоре появился свой собственный дачный участок на противоположной стороне полуострова. Мы съехали с дедушкиной дачи и очень скоро перестали по ней скучать. Дети любят перемены и переживают их с легкостью.

Я вспомнила старика-огородника почти полвека спустя, когда была приглашена в гости в те места, где он жил. Удивительную историю рассказал мне хозяин дома, девяностолетний дедушка Самед.

– Уж не о том ли беспалом бостанчике ты говоришь? – оживился дед Самед, внуки которого снисходительно слушали его «всякую всячину», не веря ни единому слову. – Вот! А эти бандерлоги не хотели и слушать. Думали, врёт дед. А дед вам не википедия какая-нибудь, чтобы врать через слово! Я же вам говорил, что на месте Сабировой виллы раньше конюшни Сары-бека стояли. А после пришедший бостанщик на пустыре огород развел, сам в полуразрушенном стойле обустроился. Долго жил, не мешал никому, овощами с огорода торговал. Нелюдимый был. А в 70-ом году объявился тут сын бывшего Сарыбековского конюха. Пришёл он к бостанчику на места своей юности посмотреть, да и признал в огороднике самого Сары-бека. По левой руке признал. Сары-беку в молодости строптивая лошадь два пальца на левой руке откусила, половину безымянного и мизинца. Гость бостанчику ничего не сказал, а властям кое-чего рассказал и своими опасениями поделился. Но бостанщик и сам догадался. Пропал куда-то сразу. Участок его оцепили, милиция что-то в рупор кричала. Сдавайся, мол. Местные понять не могли, отчего столько внимания немощному старику. Многие из «бывших» вполне себе приспособились к новым реалиям, жили спокойно, перевернув страницы прошлого. Сары-бек, короче, на призывы не откликался. Халупяшку его осадили, дверь выбили, а там пусто. Но паласы и хасиры были свёрнуты. На земляном полу деревянная крышка. Открыли её, тяжеленная, и даже сейчас конским навозом пахла. Покричали в подпол, пошумели – оттуда ни звука. Спустились, фонарями посветили.

Старинные, видят, деревянные, железом обитые ящики друг на дружку сложены. На полу черкеска чёрная, серебром потемневшим обшитая, на ней старик-бостанщик, Сары-бек то есть, пряменько лежит, в груди кинжал по рукоятку торчит. Под голову бек бекскую каракулеву папаху положил, в ногах сапоги почищенные. Интересные такие, носки кверху загнутые и со шпорами. Рядом сабля лежит и карабин. Говорят, милиционеры невольно фуражки снимали. В ящиках, говорят, оружия всякого полно было. Теперь такое только для музеев и сгодилось бы. Но оно, оружие-то, хоть и старое, действующее, говорят, было. Кого ждал бек, на что надеялся? Сыновья-то его без вести сгинули. Может, их ждал. А может, и не ждал уже никого. Даже смерти не дождался, сам к ней пришёл...

Я слушала и думала, как удивительно иной раз наслаиваются друг на друга суровые, трагические события и бытовая рутина. Как всё в жизни перемешано, сложно и не всегда понятно. Даже представить трудно, какие страсти десятилетиями кипели в душе тихого бостанчика – потомственного аристократа.

Вот ведь как затейливо переплелись счастливые детские воспоминания маленькой дачницы с печальной судьбой бека-бостанчика.